

1 ИЮЛЯ 1942 года «Правда» писала: «Севастополь защищал советскими войсками, но героическая оборона Севастополя составит одну из самых ярких и блестящих страниц в истории Отечественной войны...». В тот же день в юбке Совинформбюро сообщались некоторые подробности: «Железная стойкость севастопольцев явилась одной из важнейших причин, сорвавших пресловутое «весенне-зимнее вторжение» немцев. Гитлеровцы проиграли во времени, темпах, понесли огромные потери в живой силе. За 8 месяцев осады Севастополя немцы потеряли около 300 тысяч солдат и офицеров, из них сто тысяч убитыми. Советские войска потеряли с 7 июня по 1 июля 1942 года 11385 человек убитыми, 21099 ранеными, 300 пропавшими без вести...».

Тогда же, как удалось выяснить однополчанам, среди пропавших без вести был полковник Амаяк Бейбутович Меграбян. И долгие годы имя этого оставалось в списке восьми тысяч трехсот пропавших без вести. Восемь тысяч конкретных судеб. Со своими именами, отчествами, фамилиями. Восемь тысяч триста матерей, жен, сестер в те дни были в неведении. Они получили весть о том, что их сын, муж, брат не значится в списках погибших и раненых. Тревожная весть пришла и в семью Меграбянов, где росли двое подростков — сыновья пропавшего без вести отца.

Шли дни, месяцы, годы, а родные и близкие не прекращали поисков Амаяка Меграбяна. Вскоре они узнали о том, что в поиск сведений о дальнейшей судьбе полковника Меграбяна подключились многие и многие боевые друзья. Генерал-полковник Петров в командующий Северо-Кавказским фронтом, ответил на один из запросов: «Полковник Меграбян до последнего дня обороны Севастополя находился в рядах Приморской армии и вместе с войсками героями защищал Севастополь. Судьба его неизвестна». Бывший начальник оперативного отдела Приморской армии генерал-майор Ковтун-Стапкевич писал: «Амаяк Меграбян попал к нам после ранения на Западном фронте, где он командовал полком. В тяжелых боях перед третьим штурмом ему было поручено возглавить оперативную группу». И опять же печально знакомая фраза: «Судьба его неизвестна».

Список этот можно продолжить. Среди тех, кто считал своим фронтовым долгом включиться в поиски боевого друга, были маршалы Крылов и Бабаджанян, около двадцати генералов, несколько десятков офицеров. Запомнилась мне запись генерал-лейтенанта Воробьева, бывшего командира 85 стрелковой дивизии Приморской армии: «Я ушел из Севастополя на подводной лодке и поэтому не знаю, при каких обстоятельствах погибли боевые друзья, среди которых был Амаяк. А фотокарточка полковника Меграбяна до сих пор стоит у меня в кабинете».

Только через много лет в семью Меграбянов пришло письмо, которое хоть как-то давало надежду на продолжение поисков. Писал его З. К. Шейкин, бывший начальник штаба объединенного полка 25 стрелковой дивизии: «На восемьдесят первый день после того, как был оставлен Севастополь, мы, изнуренные боями, ранеными, голодными, истощенными жаждой, попали в плена к нацистам. Начались неминуемые, нечеловеческие издевательства. В пути следования в Германию в концлагере Владимир-Волынский я встретил генерала Новикова. Он рассказал о последнем бою на катере. Помню, генерал Новиков сказал, как смело, геройски дрались полковники Меграбяни».

Значит, не просто пропал без вести человек, который снискал любовь и уважение среди своих современников. Значит,

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

ОГОНЬ БОРЬБЫ

Зорий БАЛАЯН

был последний бой. А ведь не может быть, чтобы никого не осталось в живых среди тех, кто бок о бок драился в том самом последнем бою Амаяка. Остался же живой генерал Новиков, попавший в плен. И поиски продолжались. Шли годы, уже поседели сами дети Меграбяна. Редели ряды однополчан. А поиски продолжались. Осуществлялся в жизни священный девиз нашего народа — никто не забыт, ничто не забыто. Не забыт последний бой, не забыт Амаяк Меграбян. Спустя четверть века после окончания войны, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза Н. И. Крылов напишет в своих мемуарах: «Долгие годы судьба полковника Меграбяна была неизвестна. Но благодаря войсковому товариществу, памяти оставшихся в живых удалось установить, что полковник А. Б. Меграбян бесстрашно сражался до последнего и героически погиб».

ЗНАКОМЯСЬ с редкой судьбой Меграбяна, вчитываясь в страницы его фронтовой биографии, я задумывалась над тем, почему так крепко запомнился он боевым товарищам. Ведь ему довелось воевать всего лишь один год. Оставшийся в живых горстке однополчан пришлось пережить впоследствии еще три долгих года войны, наполненных новыми и новыми переживаниями. И сами же страницы давали ответ. Я хочу представить читателю рассказ бывшего адъютанта полковника Меграбяна Острового А. В. Рассказ этого человека, равно как и описание последнего боя, уверен, могли бы стать основой для создания даже художественной хиноленты о славном сыне армянского народа.

Стоял холодный ноябрь 1941 года, — рассказывает Алексей Владимирович, — от вражеской бомбежки затонул в бухте наш корабль с боеприпасами, которые нам были нужнее хлеба. Обстановка была тяжелой. Меграбян решил, что надо во что бы то ни стало поднять боеприпасы с затонувшего корабля. Вначале Амаяк Бейбутович обратился к морякам и красноармейцам в приказном порядке. Но потом, словно придет в себя, почувствовал, что в данной ситуации приказ не сработает. Вода в ноябре ледяная. Глубина десять метров. И вдруг полковник на глазах у всех начал молча раздеваться. Все обомлели. Не верилось. Морозом веяло от стального цвета воды. Но полковник, не сказав ни слова, нырнул в воду. Надо сказать, что не с первого раза ему удалось зацепить крючок с канатом за ящик с боеприпасами. Много раз полковник Меграбян в тот день уходил в море и всякий раз после того, как он вскальвал на поверхность воды, медленно поднимались ящики, в которых находились снаряды. Но, как мы знали, на дне находилась еще великая прорва грунта. И воодушевленные личным примером командира, бойцы один за другим бросались в воду. Вскоре на берегу выросла целая гора из ящиков. А полковник все еще продолжал погружаться вместе с другими. И неизвестно, чем закончилась бы эта опасная операция, если бы не подоспевший на ганссе ке коммиссар, который привез спирт для обтирания...

Однополчане, словно говорившие, считали Меграбяна человеком везучим. Пели ему знаменитую песню о том, что смелого пугают и штык не берет. «Находясь очень часто на передовой в самом пекле боев, он попадал в невероятные переделки. Его неодно-

кратно ранило. Засыпало землей. Но все мы знали, — пишет один из фронтовых друзей, — что он непременно выйдет живым из создавшегося положения.. Лето-

письма зафиксировала факт, как однажды после массированного вражеского обстрела полковник Меграбян был заживо захоронен в воронке вместе со своим адъютантом. Откопали. Адъютант погиб. А он вскоре пришел в сознание и, словно ни в чем не бывало, продолжал бой. Говорили, что не везет ему с адъютантами. Один за другим погибли они. Лишь последнему посчастливилось жить долгие годы. И тот рассказал современникам о многом из жизни боевого командаира, в смерть которого никто не хотел верить «Да и как можно было поверить, что Меграбян погиб: ведь его и пуля боялась и штык не брал». И все это видели каждый день. Штутили, называя его Амаяком Бессмертным. Не верилось и тогда, когда поэт-однополчанин написал стихи о погибшем корабле: «Последним остался Трофимов Иван, снаряды подносят ему Меграбяна, Израиленский весь, с перебитой ногой. Он ползал, снаряды толкал рукой».

Да. Великая Отечественная воспевалась в стихах, легендах, сказаниях, песнях. Но, пожалуй, труднее всего было поверить в саму быль, в суровый факт. Вот почему строчки документов звучат, подчас, куда впечатляющие, нежели высокое художественное слово. И мне захотелось из множества документов и мемуаров очевидцев воссоздать хотя бы отдельные эпизоды последнего боя Меграбяна, который, по моему глубокому убеждению, непременно дождется своего певца.

Уже поступил приказ о том, чтобы оставить Севастополь. К тому времени Меграбян был ранен и контужен. «Однако он отказался эвакуироваться из Севастополя». «Сыны были не равны, — пишет полковник Потапов. — Бой переместился на Херсонесский мыс. 2 июля 1942 года иссякли боеприпасы. Мы отбивались штыками, прикладами. Вместе с полковником Меграбяном мы командовали боем на мысе Херсонес, где я и получил ранение. Меграбян посадил меня на 25-й тральщик, которым я прибыл в Новороссийск. Он и Новиков остались там...».

Севастополь уже пал, а бои еще продолжались. На суше и на море. У той горстки, которая осталась в осажденном уже городе, была одна цель, одна сверхзадача, которую немцы так и не смогли разгадать. Враг считал этих людей, оказавшихся в огненном кольце, фанатиками, чьи действия лишены всяческого здравого смысла. А люди эти желали только одного: ценой

собственной жизни показать врагу силу духа своего народа.

КАТЕР «МО-0112» вышел в море ночью. Часа два шел он в непривычной тишине. Неожиданно окружили его пять торпедных катеров противника. И одновременно открыли чудовищной силы огонь по небольшой цели. Я читал документы и трудно поверить, что из такой вот ситуации кто-то мог бы выйти живым. Невольно вспоминаю утверждение бывалых людей о том, что всегда из пекла хоть кто-то выходит живым. В этом есть, думается, своя историческая справедливость: чтобы, скажем, после трагедии Помпеи непременно остался бы свой Плинний Младший, который поведает миру о судьбах тех, кто в мгновение ока канул в Лету. Пять торпедных катеров обстреливали полуживую мишень. Юнкеры поливали свинцовым дождем с неба. И все же остались люди, которые поведали нам о подвигах своих товарищей.

— Мы знали, что гибель неизбежна, — рассказывает участник боя на катере «МО-0112» Е. А. Звездкин, — и старались как можно дороже отдать свою жизнь. Боролись с отчаянием обреченных. Все ребята были ранены или контужены. Мертвых смыкала с палубы морская волна. Полковник Меграбян воодушевлял нас. Едва передвигаясь, он доставлял снаряды к единственному уцелевшей пушке. То, что я видел собственными глазами, потом не доводилось ни слышать от других, ни читать в литературе. Поэтому передать картину боя очень трудно. Не помню, в какой момент Меграбян был смертельно ранен.

Еще один чудом оставшийся в живых участник того легендарного боя. Адъютант комдива И. П. Трофименко. В то время ему было всего девятнадцать и сорокалетний полковник Меграбян называл его ласково сыном.

— Стоя у пушки, я оглянулся, — рассказывает И. Трофименко, — и увидел страшную картину. Ко мне полз по палубе весь залитый кровью полковник Меграбян. Нога перебита. Казалось, живыми были только горящие яростью большие глаза. Он полз медленно, качаясь на палубе и крепко прижав к груди снаряд. Нес снаряд так осторожно, словно в руках у него был маленький ребенок. Никогда не забыть мне, как за них оставался кровавый след, тотчас же смыкаемый очередной волной. Он медленно протянул мне снаряд и, стараясь даже улыбнуться, сказал: «Это последний, сынок. Стреляй без промаха!». Затем он также медленно, таща за собой перебитую ногу, отполз к лафету пушки. Прислонился к ляж, чтобы не упасть. Я видел, как он не выпускал из рук гранату. До моего слуха дошли последние его слова: «Они дорого заплатят за наши жизни».

Это было в самом начале июля 1942 года. Трофименко не промахнулся. Снаряд, поднесенный ему Меграбяном, попал в цель. Амаяк успел все сделать в тот миг. Сказать свое последнее слово. Последний раз взглянуть на утреннее небо Севастополя. В последний раз вспомнить о своих сыновьях, об иджеванской земле, где он родился, о Карсе, где он учился и работал, о друзьях, которым был так предан. Все было последним в тот миг, кроме свинцовой

вает последней.

Говорят, погибших героев не награждают. Награды им ни к чему. О них слагают песни. Их имена произносят стоя. Но Амаяка Меграбяна никто из оставшихся в живых друзей не считал мертвым. И всякий раз, собираясь на встречу с ветеранами на Севастопольской земле, однополчане вспоминали подвиги Амаяка Меграбяна. А спустя четверть века после гибели боевого товарища они ходатайствовали перед правительством о награждении Меграбяна медалью «За оборону Севастополя». Редко когда награждают медалью посмертно. Родина еще при жизни награждала своего сына орденами и медалями. Но так уж получилось, что Меграбян вошел в историю Великой Отечественной в первую голову за геройизм, проявленный во время обороны Севастополя. И награда пришла к героям спустя четверть века.

Не забыт герой и у себя на родине. Школа в селе Агадан Иджеванского района названа именем Амаяка Меграбяна. Об этом узнали многочисленные однополчане, которые поздравили коллектив школы. Маршал Бабаджанян написал в Агадан: «Привошу искреннюю благодарность всему коллективу за память о моем близком друге Амаяке, храбром воине, подвиг которого известен всей нашей Родине».

Пришло письмо и от Маршала Советского Союза Н. И. Крылова: «Признательное Отечество хранит имя и подвиг верного сына армянского народа как образец для подражания вынешним и грядущим поколениям, как пример беззаветного служения великой социалистической Родине».

НИКТО не забыт, ничто не забыто. Не забыт ни один из дней Великой Отечественной. Не забыта ни одна из двадцати миллионов судеб, ушедших в бессмертье ради того, чтобы матери будущего улыбались крику новорожденного. И те, кому посчастливилось родиться сегодня, должны будут знать и помнить уже в веке грядущем о том, какой ценой добыта Победа. Победа, которая всегда устремлена в будущее. Будущее, которое не могло быть без прошлого, без каждого из 1418 дней войны. Без третьего июля сорок второго, о котором очевидец не мог рассказать, ибо самому не верилось, ибо позже он не слышал о таком, не читал в литературе. Именно поэтому мы обязаны восстановить в памяти благодарных поколений день третьего июля сорок второго. День, когда шагнули в бессмертье Амаяк Меграбян и его боевые товарищи.

Прав очевидец боя. Словами невозможно рассказать. Пожалуй, только «важнейшее кино» может воспроизвести на экране то, о чем нам сухо рассказывает бесстрастная летопись войны. Приведу всего несколько строк из летописи о том, как погиб Амаяк: хочется верить, что они заинтересуют наших кинематографистов: «Немцы хотели во что бы то ни стало взять экипаж катера живым. Они жаждали смотреть в глаза людей, которые, умирая, дрались. Группа фашистов спрыгнула на корму катера «МО-0112» и с автоматами двинулась к рубке, прислонившись к которой сидел, спрятав за спиной гранату, истекающую кровью Меграбян. Палец был введен в предохранитель. Он словно окаменел. Подпустив к себе вплотную немцев, Меграбян резко сорвал предохранитель. Раздался оглушительный взрыв. Так оборвалась жизнь храброго воина, коммуниста».

Оборвалась жизнь во имя жизни. Как никто другой этот человек хотел жить. Отец двух сыновей-подростков. Человек знающий цену исканий. Человек, вовравший в себя саму суть поэтической формулы: «Жить — значит жечь себя огнем борьбы, исканий и тревог».